

Оригинальная статья

УДК 316.334.3

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-66-76>

Социальные функции религиозных институтов в современной городской среде: опыт России и Китая

Павел Петрович Дерюгин^{1✉}, Вэй Линде²

¹Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>

²weilingdie214@163.com, <https://orcid.org/0009-0001-1282-8804>

Введение. В городской среде религиозные общины остаются важными участниками социальной жизни. Они создают атмосферу сопричастности, заботы и формируют нравственные ориентиры жителей. В статье исследуется интегрированность религиозных институтов в ткань мегаполисов Москвы и Шанхая и выполняемые ими социальные функции в условиях цифровизации, индивидуализации и фрагментации городского опыта. Цель работы – выявление механизмов адаптации религиозных организаций к урбанистическим вызовам. Научная новизна заключается в сравнительном анализе религиозной активности в двух разных культурно-политических контекстах.

Методология и источники. Методологическая рамка включает концепции Э. Дюркгейма, Р. Беллаха, Р. Чиприани и П. Бергера, позволяющие рассматривать религию не только как институт, но и как пространство духовного и эмоционального сопереживания. Эмпирическая база основана на анализе нормативных актов, приходских отчетов и социологических публикаций за 2018–2023 гг.

Результаты и обсуждение. Показано, что религиозные организации реализуют три ключевые функции: поддержку уязвимых (через помощь, обучение, сопровождение), социальную интеграцию (через культурные события, добровольчество, образовательные практики) и регуляцию поведения (через распространение этических норм и символов предсказуемости). Эти функции не всегда выражены очевидно, но часто проявляются в простых действиях – раздаче еды, тихой молитве, совместном труде.

Заключение. В обоих городах религия действует как живой посредник между личным и общественным. Она помогает сохранять формы близости, которые становятся все более редкими в городском шуме. Именно это повседневное присутствие и делает религиозные институты устойчивыми акторами в современном мегаполисе.

Ключевые слова: религиозные организации, городская жизнь, нравственные ориентиры, социальная поддержка, культурное посредничество, урбанизация

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-28-01448 «Национальная специфика и соответствие государственным запросам отраслевой социологии в Китае»).

© Дерюгин П. П., Вэй Линде, 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Дерюгин П. П., Вэй Линде. Социальные функции религиозных институтов в современной городской среде: опыт России и Китая // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 66–76. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-66-76

Original paper

Social Functions of Religious Institutions in the Contemporary Urban Environment: the Experience of Russia and China

Pavel P. Deriugin¹✉, Wei Linde²

¹*Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia*

^{1, 2}*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

¹*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹✉*ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>*

²*weilingdie214@163.com, <https://orcid.org/0009-0001-1282-8804>*

Introduction. In urban settings, religious communities remain significant actors in social life. They foster a sense of belonging, offer moral guidance, and create spaces of care and solidarity. This article explores how religious institutions are integrated into the fabric of metropolitan life in Moscow and Shanghai, and what social functions they perform under the conditions of digitalization, individualization, and fragmentation of urban experience. The aim of the study is to identify mechanisms through which religious organizations adapt to contemporary urban challenges. The scientific novelty lies in the comparative analysis of religious activity across two distinct cultural and political contexts.

Methodology and sources. The theoretical framework draws on the works of É. Durkheim, R. Bellah, R. Cipriani, and P. Berger, who conceptualize religion not only as a social institution, but also as a space of spiritual and emotional co-experience. The empirical basis includes legal documents, parish reports, and sociological studies from 2018 to 2023.

Results and discussion. The study identifies three main functions of religious organizations: support for vulnerable groups (through aid, education, and guidance), social integration (through cultural events, volunteering, and educational initiatives), and behavioral regulation (through the transmission of ethical norms and symbols of predictability). These functions are not always explicit but are often embodied in everyday practices – food distribution, silent prayer, or collaborative work.

Conclusion. In both cities, religion acts as a living mediator between the personal and the collective. It sustains forms of closeness that are increasingly rare in the urban landscape. This everyday presence makes religious institutions resilient and enduring actors in the modern metropolis.

Keywords: religious organizations, urban life, moral values, social support, cultural mediation, urbanization

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 24-28-01448 “National Specifics and Compliance with State Requirements of Branch Sociology in China”).

For citation: Deriugin, P.P. and Wei, Linde (2025), “Social Functions of Religious Institutions in the Contemporary Urban Environment: the Experience of Russia and China”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 66–76. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-66-76 (Russia).

Введение. Все чаще в городской повседневности – в транспорте, на рынках, в тихих дворах и шумных районах – можно заметить знаки религиозного присутствия: храмовую

музыку, кадило в руках священника, буддийскую цитату на стене чайной. Несмотря на процессы секуляризации и смену культурных кодов, религия не исчезает из городской среды. Она меняется, приспосабливается, вплетается в новые формы городской жизни. Особенно интересно наблюдать за тем, как это происходит в мегаполисах, принадлежащих к разным политическим системам и цивилизационным традициям.

Москва и Шанхай – не просто крупнейшие города России и Китая. Это живые лаборатории, в которых религия находит новые способы быть значимой. Поддержка уязвимых, интеграция общин, передача норм и ценностей – эти социальные функции, некогда казавшиеся неизменными, сегодня обретают иные выражения, тонкие формы присутствия, встроенные в ритмы мегаполиса.

Настоящее исследование посвящено тому, как религиозные институты реализуют свои социальные функции в этих двух городах. Сравнительный подход позволяет не только выявить общее и специфическое, но и уловить сами механизмы адаптации: как религиозное встраивается в урбанистические структуры, как оно отзывается на вызовы цифровизации, индивидуализации и культурной фрагментации.

Теоретическая рамка включает идеи Э. Дюркгейма о социальной интеграции, концепцию гражданской религии Р. Беллаха, представления Р. Чиприани о диффузной религиозности и взгляды П. Бергера на двойную социализацию. Также используются отечественные подходы к анализу религиозности и ее общественных функций. Вместе они помогают рассматривать религию не как архаичную систему, а как активного участника городской жизни – иногда заметного, иногда почти невидимого, но всегда вплетенного в повседневную ткань мегаполиса.

Методология и источники. Настоящее исследование основано на анализе вторичных источников, охватывающих широкий спектр материалов: от научных публикаций последних лет до отчетов религиозных организаций и международных аналитических обзоров. Выбор литературы не случаен – он отражает стремление зафиксировать не только академическое представление о роли религии, но и конкретные институциональные практики, воплощенные в деятельности московских и шанхайских религиозных общин. Особое внимание уделено публикациям за 2018–2023 гг., поскольку именно в этот период происходили ключевые сдвиги в регулировании религиозной сферы как в России, так и в Китае.

При выборе случаев для анализа учитывалось не только значение Москвы и Шанхая как мегаполисов, но и их статус как центров, в которых сосредоточены разнообразные формы религиозного присутствия – от традиционных храмов до новых инициатив, взаимодействующих с городской властью. В этом смысле они выступают не только как географические единицы, но и как культурно-институциональные пространства, в которых можно наблюдать взаимодействие религии с урбанистическим порядком.

Методологически работа строится на качественном сравнительном анализе, направленном на выявление как универсальных, так и уникальных черт функционирования религиозных институтов в разных политико-культурных контекстах. В процессе анализа особое внимание уделялось тому, как религиозные акторы интерпретируют свои функции и каким образом это отражается в их публичной активности. Сравнение велось по ряду ключевых параметров: институциональная интеграция, формы социальной поддержки, регулятивная роль и трансляция ценностей.

Признание ограниченности анализа на основе вторичных данных становится важной частью исследовательской позиции: официальные отчеты не всегда отражают внутреннюю динамику сообществ, а академические интерпретации могут акцентировать лишь определенные аспекты. Тем не менее многообразие источников – от отчетов департаментов до глобальных аналитических обзоров – позволяет частично компенсировать этот дефицит и приблизиться к более объемному пониманию религиозного присутствия в городской среде.

Результаты и обсуждение. Одна из ключевых социальных функций религиозных институтов в условиях мегаполиса – поддержка уязвимых слоев населения. Под этим понимается не только материальная помощь, но и эмоциональная, правовая, а также духовная поддержка, способствующая снижению социальной напряженности и укреплению солидарности внутри общины [1, 2]. Такая помощь часто оказывается в тишине, без пафоса, но с постоянством и вниманием, которые особенно ценны в городской среде, где одиночество и отчуждение становятся частью повседневного опыта. Религиозные организации, как правило, не заменяют собой государственные институты, но встраиваются в ткань повседневности, восполняя пробелы и создавая «места доверия» для тех, кто оказался на границе социальной видимости.

В Москве религиозные организации оказывают помощь нуждающимся в самых разных формах – от адресной благотворительности до участия в общественном диалоге. Здесь действует сеть из десятков приходов, предоставляющих бесплатные обеды нуждающимся. В 2022 г. в храме Христа Спасителя прошла выставка, посвященная проектам поддержки лиц без определенного места жительства [3, 4]. Эта работа, будучи формально структурированной, сохраняет человеческий масштаб: помощь осуществляется не анонимно, а через личное общение, через узнавание нуждающегося не как «получателя услуг», а как конкретного человека с историей, страхами и надеждами. Подобные инициативы позволяют храму не только выполнять социальную функцию, но и становиться пространством сопричастности, где сочетаются ритуал, забота и практическая поддержка [5, 6]. В данном случае речь идет не только о материальной поддержке, но о создании для уязвимых людей минимальной стабильности, дающей им возможность передохнуть, осмыслить ситуацию, почувствовать себя не изгоями, а участниками мира, где есть место сопереживанию. Монастырь здесь выступает как тихий посредник между улицей и обществом, формируя безопасную зону, где вновь можно быть услышанным.

На микроуровне приходские инициативы, как в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Ясенево, включают бесплатные курсы переподготовки для безработных, где обучают основам бухгалтерского учета и информационных технологий, что подчеркивает роль приходов как активных акторов городской социальной политики [7]. Важно, что эти курсы не ограничиваются передачей технических знаний – они создают поддерживающую среду, в которой вновь обретаются ритм, мотивация и ощущение смысла. Для многих участников важным оказывается не только навык, но и сам факт вовлеченности, возможности прийти в храм не как в сакральное пространство, а как в место, где открыта дверь и есть человеческий отклик. Здесь забота выражается не только в помощи, но и в признании ценности каждого в сложной, быстро меняющейся городской реальности.

В Шанхае религиозная деятельность реализуется преимущественно в институционализированной форме, а помощь уязвимым группам населения составляет важную часть социальной вовлеченности храмов. В 2022 г. фонд «Байсы» при монастыре Цзиньняньсы организовал мас-

штабную раздачу гуманитарной помощи в период всплеска пандемии: продуктовые и медицинские наборы были направлены медицинскому персоналу, работникам коммунальных служб, постояльцам домов престарелых и одиноким пожилым людям [8]. Когда привычный ритм городской жизни оказался нарушен, а институты – перегружены, подобные инициативы придали религиозному пространству новое символическое измерение: храм стал не только местом веры, но и точкой проявления заботы, порядка и утешения. Материальная помощь, исходящая от монастыря, оживила традиционную этику милосердия и сделала ее зримой и осязаемой в контексте современной городской повседневности. Эти действия несли в себе жест устойчивости, возвращая горожанам чувство сопричастности и практической заботы.

18–19 октября 2025 г. в Шанхае состоялись ежегодные Дни христианской благотворительности, организованные христианскими общинами города – от сбора средств для детских домов до адресной помощи пожилым жителям отдаленных районов [9]. Такая активность раскрывает потенциал христианских общин как точек координации, где социальное и духовное взаимодействуют без жесткого разграничения. Волонтерская вовлеченность прихожан позволяет не только расширить охват помощи, но и сформировать устойчивые горизонтальные связи между людьми, ранее не связанными друг с другом ничем, кроме общего пространства города.

Буддийский храм Лунхуа с января 2015 г. учредил негосударственный благотворительный фонд, деятельность которого сосредоточена на четырех направлениях: образовательная помощь, поддержка малоимущих и людей с ограниченными возможностями, гуманитарная забота и противоэпидемические меры [10].

Эти инициативы, несмотря на свою институциональную форму, строятся на регулярной, адресной и уважительной помощи, что придает им устойчивый характер. Регулярность и ненавязчивость этих действий становятся их сильной стороной. Не громкие акции, а повторяющаяся забота, встроенная в повседневную жизнь, создает то, что можно назвать «этическим климатом» – пространством, в котором человек чувствует себя не забытым, не случайным, а принятым. В условиях городской перегрузки, когда отношения становятся все более функциональными, подобные инициативы возвращают в город человеческое измерение.

Эти примеры подтверждают наблюдение П. Бергера о том, что даже в условиях модернизации религия продолжает играть важную роль в системах социальной поддержки, особенно в периоды нестабильности и кризиса [11, 12]. В этом контексте социальные практики религиозных общин приобретают особую ценность: они не просто помогают, а поддерживают идею о том, что никто не должен оставаться один – даже в городе, где одиночество часто воспринимается как норма.

Вторая ключевая функция религиозных институтов в городской среде – социальная интеграция, понимаемая как вовлечение различных социальных групп в систему норм, ценностей и практик, укрепляющих чувство общности и преодолевающих социальную фрагментацию [13, 14]. В многообразной и анонимной городской среде, где повседневность все чаще фрагментирована, подобные формы вовлечения позволяют человеку снова почувствовать себя частью чего-то большего. Религиозные инициативы в этом контексте действуют как социальные сцепки: они не только предлагают нормы, но и создают сценарии встреч, ритуалов, совместных действий, в которых можно участвовать без предварительной принадлежности.

В Москве этот процесс развивается в разных формах – от молодежных клубов до крупных культурных событий. Так, православный молодежный клуб «Ковчег» объединяет свыше 200 участников и ежегодно реализует около 50 социальных проектов: от визитов в дома престарелых и благотворительных ярмарок до образовательных квестов, способствующих формированию устойчивого чувства принадлежности и развитию горизонтальных связей между молодыми горожанами [15]. Важно подчеркнуть, что подобная деятельность не сводится к досугу или волонтерству – она выполняет глубинную социальную функцию. Молодые люди получают возможность не просто помогать, но быть частью сообщества, где их усилия имеют значение, а участие не требует ни идеологической, ни духовной унификации. Это своего рода тренировочная площадка для гражданской субъектности, происходящая в среде, насыщенной символами, ритуалами и личными контактами.

Культурные события, такие как Фестиваль православной культуры на Воробьевых горах, собравший в 2022 г. около 8000 участников, создают пространство для межпоколенческого диалога и символического переосмысления религиозной идентичности в городском контексте. Такие фестивали работают не только как культурные витрины, но и как площадки сопереживания. Здесь религиозная принадлежность не проверяется, а проживается через совместные действия – концерты, мастер-классы, чаепития, детские зоны. Это позволяет сблизиться поколениям, которым не всегда удается найти общий язык в других пространствах города.

Совместно с Департаментом труда и социальной защиты населения Москвы религиозные организации проводят интеграционные программы для мигрантов: курсы русского языка, лекции о культурных нормах и бесплатные юридические консультации, реализуя тем самым концепцию Р. Беллаха о религии как инструменте гражданской интеграции [2]. Особенность этих программ в том, что они не только обучают, но и дают человеку чувство признания – включения в культурное поле, где он не просто адаптируется, а участвует. Священнослужитель, объясняющий нормы повседневной жизни, или юрист, работающий при приходе, оказываются зачастую первыми представителями гостеприимного общества, с которыми сталкивается мигрант. Это делает религиозные структуры незаменимыми участниками инфраструктуры приема.

В Шанхае, несмотря на более жесткое регулирование религиозной сферы, интеграционные инициативы также занимают важное место. Так, фестиваль «День Лотоса», ежегодно организуемый Шанхайским буддийским обществом, привлекает тысячи участников из разных районов города и сочетает культурные выставки, лекции на этические темы и экологические кампании, что способствует диалогу между религиозными и светскими ценностями. Формат праздника при всей своей традиционности вписан в городскую эстетику – он объединяет людей разных возрастов, не требуя от них ни религиозного рвения, ни глубоких знаний. Это открытая форма вовлечения, где общение становится важнее вероисповедания. События подобного рода создают те точки соприкосновения, которые в остальное время редки.

Христианские общины, включая Shanghai Community Church, проводят дни открытых дверей, на которых жители разных конфессий могут познакомиться с основами христианской этики, принять участие в благотворительных акциях и межкультурных форумах. Идея открытости здесь реализуется не только буквально, но и символически: участие в таких встречах не требует предварительного согласия с доктриной. Горожане приходят за атмо-

сферой, за возможностью быть услышанными, а не за обращением в веру. Это сближает религиозную практику с городскими ценностями открытости и гибкости.

Важной формой интеграции остается религиозное образование: воскресные школы при храмах в обеих столицах строят работу вокруг универсальных ценностей – милосердия, уважения, трудолюбия. Такая деятельность согласуется с концепцией Р. Чиприани о «диффузной религии», при которой границы между религиозной и социальной активностью становятся все более проницаемыми [16]. Детям, посещающим воскресные школы, религиозный опыт нередко представляется как часть общего воспитания – не столько догма, сколько образ жизни. Через рассказы, совместные игры, помощь пожилым, праздники и стихи формируется не строгое следование нормам, а способность к сочувствию, заботе, совместному действию.

Таким образом, и в Москве, и в Шанхае религиозные институты создают условия для горизонтального общения, межпоколенческой передачи ценностей и вовлечения новых групп в городское сообщество. Они действуют не сверху, а через повседневные формы включения, в которых важна не столько идентичность, сколько участие. Это делает их особенно значимыми в контексте городской жизни, где социальная близость все чаще требует посредников.

Несмотря на различия в институциональной среде, интеграционная функция религии в мегаполисах остается одним из универсальных механизмов преодоления социальной фрагментации. Ей сопутствует и другая значимая задача – социальная регуляция, т. е. поддержание общественного порядка, утверждение устойчивых норм поведения и укрепление моральных ориентиров, обеспечивающих стабильность городской жизни [13, 17]. В городском контексте, где нормы расплываются, а общие ценности все чаще подменяются временными интересами, религия выполняет роль символического стабилизатора. Она не только артикулирует, но и воспроизводит ожидания относительно «правильного» поведения, оформляя их в доступные для горожан формы: через ритуал, пример, участие. При этом речь идет не о морализаторстве, а о выстраивании предсказуемости – того самого основания, на котором, по Дюркгейму, держится общественный порядок.

В Москве религиозные организации включены в эти процессы как через участие в муниципальных социальных программах, так и через собственные инициативы, направленные на популяризацию традиционных ценностей и формирование этических ориентиров в повседневности. Эта деятельность затрагивает не только тех, кто уже принадлежит к религиозной общине, но и более широкие круги населения, вступающие во взаимодействие с церковью через больницы, школы, центры социального обслуживания. Таким образом, религиозные структуры становятся «точками повседневного контроля», но в мягкой форме – они не наказывают, а напоминают, не навязывают, а структурируют.

В проекте «Социальное партнерство города Москвы» более 300 приходов Русской православной церкви сотрудничают с Департаментом социальной защиты, организуя патронаж пожилых, профилактику алкоголизма и мероприятия по укреплению семейных отношений [4, 18]. Содержательно эта работа формирует образ нормальной семьи, ответственного родителя, достойного гражданина. Приход выступает здесь не только как ресурсная точка, но и как носитель культурной модели, в которой личное благополучие неотделимо от соблюдения определенных моральных стандартов. Патронаж над пожилыми, например, воспроизводит модель заботы как общественного долга, формируя горизонтальную нормативность, пронизанную религиозным этическим кодом.

Важное место занимают совместные программы, ориентированные на профилактику асоциального поведения молодежи: так, в 2021–2022 гг. при поддержке Департамента образования проходили семинары «Моральные ориентиры молодежи» с участием священнослужителей, специалистов по ненасильственному общению и авторов образовательных квестов о городской истории [7]. Эти мероприятия не только информируют, но и нормализуют. Через совместную активность, обсуждение моральных дилемм выстраиваются границы приемлемого. Молодой человек не получает наказание за девиацию, но включается в ситуацию, где этика становится частью игры, проекта, события. Таким образом, церковные инициативы работают как механизмы «этического перевода» – они интерпретируют абстрактные ценности в применимые форматы повседневной городской социализации.

Передача ценностных установок продолжается и в рамках системы воскресных школ – их в столице насчитывается около 450, что соответствует веберовскому пониманию религии как источника легитимации общественного порядка [17]. В этом пространстве религия выступает как форма моральной дисциплины – ненасильственной, но регулярной. Ребенок в воскресной школе не просто запоминает заповеди, он учится внутреннему ритму жизни: быть пунктуальным, уважать старших, держать слово. Эти «тихие» нормы не всегда проговариваются напрямую, но именно они впоследствии обеспечивают согласованность поведения, предсказуемость отношений и готовность к ответственности.

В Шанхае же регулятивная функция религии реализуется в условиях строгих государственных рамок. Законодательство предписывает всем официально зарегистрированным объединениям включать в свою деятельность элементы «социалистических ценностей» – патриотизм, коллективизм, правопослушание [19]. Здесь нормативная роль религии институционализована буквально: она встроена в формальные обязательства. Однако религиозные организации не просто транслируют государственные лозунги, а адаптируют их к локальному контексту. В результате возникает своеобразный гибрид этики и идеологии, где храмовая активность выступает как площадка «социальной лояльности». В этом ключе буддийские храмы, включая монастырь Цзиньаньсы, регулярно проводят лекции о социальной ответственности, правосознании и нравственных нормах, формируя моральную дисциплину и укрепляя этические ориентиры в городской среде [20]. Регулярные лекции, сопровождаемые совместными практиками (уборка парка, уход за растениями, общественные медитации), становятся формой «повседневной социализации». Люди участвуют в этих практиках не потому, что обязаны, а потому что они просты, предсказуемы и понятны. В условиях высокой плотности городской жизни именно такие «регламентированные добродетели» обеспечивают минимальный уровень согласия, на котором зиждется социальный порядок.

Заключение. Сравнивая практики религиозных организаций в Москве и Шанхае, мы сталкиваемся не столько с различиями конфессиональных догматик или политических режимов, сколько с разными способами вплетения религиозного в городскую ткань. Там, где московские приходы выступают как официальные партнеры государства и канализируют социальную помощь через признанные форматы, шанхайские храмы действуют мягче – через язык нравственности, дисциплины, заботы. Но в обоих случаях речь идет о попытке удержать чувство порядка в сложной, быстрой и подвижной городской среде.

Религия здесь – это не абстрактная система верований, а распорядок, жест, касание, взгляд. Это чаепитие после службы, уборка парка, разговор в храмовом дворе, краткая молитва в тишине метро. В этих повторяющихся и понятных действиях религиозные общины возвращают горожанам предсказуемость – ценность особенно важную в условиях постоянной нестабильности. Возможно, именно поэтому даже самые формализованные инициативы сохраняют свой человеческий масштаб: они узнаваемы, они встроены в ритмы города, они не требуют доказательств.

Вместе с тем это исследование оставляет за кадром многое. Мы почти не слышим голосов самих участников – тех, кто приходит, остается, уходит. Мы видим официальные формы, но не всегда улавливаем нюансы их повседневной проживаемости. Мы фиксируем институциональное, но еще не вскрываем интуитивное.

Продолжение этой работы видится в погружении – в наблюдение, в разговор, в телесное соучастие. Не только изучать религию как структуру, но быть рядом, когда зажигаются свечи, когда кто-то склоняется в поклоне, когда кто-то впервые приводит ребенка в воскресную школу. Это расширение оптики – не только про города и конфессии, но и про способы быть вместе.

В конечном счете религиозные институты продолжают жить в мегаполисе не потому, что им кто-то разрешил или запретил, а потому что они умеют слушать и быть услышанными. Они выживают не вопреки модерности, а благодаря способности оставаться ее тихим спутником – в тех формах, где забота, ритуал и присутствие приобретают новое, не всегда заметное, но устойчивое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. NY: Free Press, 1996.
2. Осипова Н. Г., Елишев С. О. Религия: социологический анализ. М.: Перспектива, 2022.
3. Продуктовая помощь (г. Москва и Московская обл.) // Московская патриархия. URL: http://anastasia-uz.ru/index/blagotvoritelnye_obedy_pri_khramakh_g_moskvy/0-103 (дата обращения: 04.11.2025).
4. В храме Христа Спасителя прошла выставка, посвященная проблемам бездомных // Московская (городская) епархия Русской православной церкви. 26.05.2022. URL: <https://moseparh.ru/v-xrame-xrista-spasitelya-proshla-vystavka-posvyashhennaya-problemam-bezdomnykh.html> (дата обращения: 04.11.2025).
5. Забаев И. В., Пруцкова Е. В., Маркин К. В. Церковная социальная работа глазами россиян и социальных работников Русской православной церкви // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 139–153. DOI: 10.47132/1814-5574_2022_3_139.
6. Носова В. А. Социальная работа Русской православной церкви // ACADEMY. 2018. Т. 1, № 6 (33). С. 101–103.
7. Религия в современной России: контексты и дискуссии / М. М. Мchedлова и др. М.: РУДН, 2019.
8. Обзор участия Шанхайского благотворительного фонда «Байсы» в борьбе с пандемией // Благотворительный фонд «Байсы». 07.07.2022. URL: http://www.360doc.com/content/22/0707/10/29234429_1038922209.shtml (дата обращения: 04.11.2025).
9. Шанхайская христианская церковь активно провела «Дни христианской благотворительности и милосердия – 2025» // Китайский христианский совет. 28.10.2025. URL: <https://www.ccctspm.org/index.php/sernewsinfo/19594> (дата обращения: 04.11.2025).
10. 19 произведений живописи и каллиграфии выставлены на аукцион: благотворительный аукцион храма Лунхуа в Шанхае собрал 4,4 млн юаней // Цзоу Цзявэнь. 16.01.2024. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_26030784 (дата обращения: 04.11.2025).

11. Berger P. L. *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. NY: Doubleday, 1967.
12. Фурман Д. Е., Каарияйнен К. Религиозность в России в 90-е годы XX – начале XXI века. Доклады Института Европы РАН. № 173. М.: Изд-во «ОГНИ ТД», 2006.
13. Durkheim É. *Les formes élémentaires de la vie religieuse*. Paris: Alcan, 1912.
14. Bellah R. N. *Civil Religion in America* // *Daedalus*. 1967. Vol. 96, № 1. P. 1–21.
15. Пронина Т. С. Религия как источник культурной идентичности в современной России // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, № 1. С. 130–139.
16. Cipriani R. *Diffused Religion: Beyond Secularization*. London: Routledge, 2021.
17. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: Mohr, 1922.
18. Ажнакина Н. Б. Социальное служение религиозных организаций в современной России: дис. ... канд. филос. наук / МГУ им. Н. П. Огарёва. Пенза, 2006.
19. Положение о делах религий КНР: Постановление № 686 от 1 февраля 2018 г. Пекин: Государственный совет КНР, 2018. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5225861.htm (дата обращения: 04.10.2025).
20. Лункин Р. Н. Религиозный фактор в жизни современной России (эксперты об экстремизме) // Современная Европа. 2011. № 4. С. 132–137.

Информация об авторах.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), ассоциированный член, руководитель Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, 190005, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

Вэй Линде – аспирантка (социология) Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор шести научных публикаций. Сфера научных интересов: социология семьи, социология религии.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.08.2025; принята после рецензирования 30.10.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.

REFERENCES

1. Durkheim, E. (1996), *The Elementary Forms of Religious Life*, Free Press, NY, USA.
2. Osipova, N.G. and Elishev, S.O. (2022), *Religiya: sotsiologicheskii analiz* [Religion: a sociological analysis], Perspektiva, Moscow, RUS.
3. "Food aid (Moscow and the Moscow region)" (n.d.), *Moscow Patriarchate*, available at: http://anastasia-uz.ru/index/blagotvoritelnye_obedy_pri_khramakh_g_moskvy/0-103 (accessed 04.11.2025).
4. "In the Temple Of Christ An exhibition dedicated to the problems of the homeless was held in St. Saviour's Cathedral" (2022), *Moskovskaya (gorodskaya) eparkhiya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Moscow (City) Diocese of the Russian Orthodox Church], 26.05.2022, available at: <https://moseparh.ru/v-xrame-xrista-spasitelya-proshla-vystavka-posvyashhennaya-problemam-bezdomnykh.html> (accessed 04.11.2025).
5. Zabaev, I.V., Prutskova, E.V. and Markin, K.V. (2022), "Church Social Work from the Point of View of Russians and Social Workers of the Russian Orthodox Church", *Khristianskoye Chteniyе*, no. 3, pp. 139–153. DOI: 10.47132/1814-5574_2022_3_139.

6. Nosova, V.A. (2018), "Social work of the Russian Orthodox Church", *ACADEMY*, vol. 1, no. 6 (33), pp. 101–103.
7. Mchedlova, M.M. et al. (2019), *Religiya v sovremennoj Rossii: konteksty i diskussii* [Religion in Modern Russia: Contexts and discussions], RUDN, Moscow, RUS.
8. "Review of the participation of the Shanghai Charitable Foundation "Baisi" in the fight against the pandemic" (2022), *Blagotvoritel'nyi fond "Baisi"* [Charitable Foundation "Baisi"], 07.07.2022, available at: http://www.360doc.com/content/22/0707/10/29234429_1038922209.shtml (accessed 04.11.2025), CHN.
9. "The Shanghai Christian Church actively held the "Days of Christian Charity and Mercy – 2025"" (2025), *Kitaiskii khristianskii sovet*. [Chinese Christian Soviet Conference], 28.10.2025, available at: <https://www.ccctspm.org/index.php/sernewsinfo/19594> (accessed 04.11.2025), CHN.
10. "19 Works of Painting and Calligraphy Put Up for Auction: the Charity Auction at Longhua Temple in Shanghai Raised 4.4 Million Yuan" (2024), *Zou Jiawen*, 16.01.2024, available at: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_26030784 (accessed 04.11.2025), CHN.
11. Berger, P.L. (1967), *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*, Doubleday, NY, USA.
12. Furman, D.E. and Kaariainen, K. (2006), *Religiosity in Russia in the 90s of the XX – beginning of the XXI century. Reports of the Institute of Europe*, no. 173, Izd-vo "OGNI TD", Moscow, RUS.
13. Durkheim, É. (1912), *Les formes élémentaires de la vie religieuse*, Alcan, Paris, FRA.
14. Bellah, R.N. (1967), "Civil Religion in America", *Daedalus*, vol. 96, no. 1, pp. 1–21.
15. Pronina, T.S. (2015), "Religion as a Source of Cultural Identity in Modern Russia", *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Ser. Gumanitarnye Nauki*, vol. 157, no. 1, pp. 130–139.
16. Cipriani, R. (2021), *Diffused Religion: Beyond Secularization*, Routledge, London, UK.
17. Weber, M. (1922), *Wirtschaft und Gesellschaft*, Mohr, Tübingen, GER.
18. Azhnakina, N.B. (2006), "Social service of religious organizations in modern Russia", *Can. Sci. (Philology) Thesis*, Ogarev Mordovia State Univ., Penza, RUS.
19. *Polozhenie o delakh religii KNR: Postanovlenie № 686 ot 01.02.2018* (2018) [Regulations on Religious Affairs of the People's Republic of China: Resolution No. 686 dated 01.02.2018], State Council of the People's Republic of China, Beijing, CHN, available at: https://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5225861.htm (accessed 04.10.2025).
20. Lunkin, R.N. (2011), "The religious factor in the life of modern Russia (experts on extremism)", *Contemporary Europe*, no. 4, pp. 132–137.

Information about the authors.

Pavel P. Deriugin – Dr. Sci. (Sociology, 2002), Associate Member, Head of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia; Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 190034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 200 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology.

Wei Linde – Postgraduate (Sociology) Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 190034, Russia. The author of 6 scientific publications. Area of expertise sociology of family, sociology of religion.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 10.08.2025; adopted after review 30.10.2025; published online 22.12.2025.